

Владимир Козлов

Опыты на себе

Владимир Козлов

Опыты на себе

Москва

«Воймега»

2015

УДК 821.161.1-1 Козлов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К59

Дизайн серии: Сергей Труханов

В. Козлов
К59 Опыты на себе. — М.: Воймега, 2015. — 60 с.

ISBN 978-5-7640-0182-1

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© В. Козлов, текст, 2015
© С. Труханов, оформление, 2015
© «Воймега», 2015

Бережечикъ зыблетца,
да песочикъ сыплетца,
а ледочикъ ломитца,
добры кони тонуть,
молотцы томятца.

*Из «Песен, записанных
для Ричарда Джемса
в 1619–1620 годах»*

Паводок

Говори. Распутица молчаливо подмыла порог.
Говори. Разливается кровь и захлёбываются семена.
Ухо, чтоб слышать тебя, ещё не придумал Бог —
он послушает сам, какие ты выкрикнешь имена.

Говори, говори. Всё течёт. Не бывает, не будет дорог.
Только там, где просыплется трезвое что-то в топь,
можно, наверное, будет стоять, выговаривая для ног
кочек потвёрже, попроходимее троп.

Говори, говори же. Есть время, когда
можно не говорить и остаться при этом собой.
Но из маленькой речки вышла большая вода.
Тверди суставов смочила, размыла боль.

Если есть что сказать, то сейчас говори.
Обо всём, что должно уцелеть, в отличие от тебя,
развезённого по всей наруже и всей нутри,
безымянного, пока слово не выступит, как руда.

Несвоевременные люди

Страна понесла потери — люди потерялись в кисловодском парке.
Ушли приблизительно в девяносто втором на прогулку.
«Берегите себя по возможности и гуляйте подольше», —
им лечащий каркал.
Остальные советовали не соваться, уткнуться в свои писульки.

И они — послушались. Началось многолетнее воспитание белок,
наблюденье за ростом деревьев, прополки, зарубки,
дотошное ежедневное обсужденье методики дела,
не выходящего за пределы закатов и пешеходных маршрутов.

Снаружи их до сих пор никто не хватился, не принял меры.
На улице Современников три бедолаги
торгуют орешками и платками.
Ну а в парке, конечно, никто не слышал, как стреляли в мэра.
Инфляция, кредиты, бюллетени — сюда не проникали.

Может, честнее, надёжней — просить у неба погоды.
Да и законы природы в конечном счёте — законы.
Это они пропустили эпоху или мы — свои лучшие годы,
раз уж нарзаном и за год не смыть
за день набитой оскомы? —

Кто из нас более виноват? —
Оздоровляющие терренкуры
за время с тех пор их настолько оздоровили,
что даже бывшие прожжённые работники прокуратуры
выглядят теперь как младенцы — молодо и невинно.

И не скажешь, что в мире их не было перспективы.
С Красных камней они наблюдали горбы Эльбруса.
Потом, как умели, мазали им картины,
и выходило маленькое, трёхкопеечное искусство.

Свет войны

Мы, не знавшие слова «мы»,
злые, медленные умы
из глубинки, из глубины
выносящие гул старины,
телевизором вынянчены,
удовольствием вымучены,
сраколетние пацаны,
мы своей дождались войны.

Ведь от каждого светлого дня
всё чернела внутри головня:
мир привык выбирать меня
по зубам — как коня.
А часть людей выключена —
несущественная величина,
в мозгу остальных — фигня
открытого настежь огня.

Много лет все были равны
в незаметности для страны,
ненарушении тишины,
неудивлении, что не нужны.
Родом из гробовой тишины,
рынками, тряпками выращены,
но совершенно не выражены,
мы дождались войны.

Мы её представляли не так —
недооценивали рубак.
Думали объяснить на словах.
Возвращается липкий страх.

Непонятно, как лечится рак.
А культура, признав свой крах,
уходит греть воду в барак,
чтобы кто-то с ладоней смыл прах.

Идиллия для героя

Твердь развезло, разжижило;
будто разжав сухожилия,
        земля потекла под ногами —
        и всё потонуло в гаме.

Вдруг все предстали униженными.
Поля меж домами — выжженными,
        каждый жест — бесстыжим.
        Каждый слабый теперь обижен.

Господи, только вслушайся:
сколько ужаса перед будущим
        и растерянности в настоящем,
        выгоняющем и грозящем.

Люд застонал, ощерился,
не размыкая челюсти,
        сломанные малышами
        с палками и ножами.

Время пошло семимильными,
топотом замогильным
        каждого догоняло
        в парке и под одеялом.

Что такое достоинство,
если нет никакого воинства,
        нету подвигов, нет победы?
        Ты встаёшь и идёшь за хлебом.

В одиночестве чувство юмора
деградирует, звуки зуммера,
а не музыки воскрешают —
и до вечера жизнь большая.

Расцветает богатство несчастья —
его мир поделен на части,
и так же на части развален
человек на кровати в спальне.

Ясных людей, которые
видят себя во все стороны,
мать, рванувшая из соседа,
будто стёрла со света.

Хаты народа заложены,
всем и друг другу должен он;
и, будто чучело на дреколье,
сидит на печи соколик.

Пилит дощечки лобзиком,
славно играет с пёсиком,
но только замыслит наружу —
становится неуклюжим.

Детство его — интересное.
Жизнь завелась между креслами,
где, в папины тапки обутый,
мальчик собрал халабуду.

Отчего погибают идиллии? —
Пластмассовые флотилии
вдруг навек замирают.
Это — изгнание из рая.

Может, общей беды и не было.
Многим нравится быть атлетами,
утопать в подходящем рое,
убивать себя в роли героя.

Что не так? Может, стоило
полжизни глядеть в сторону,
чтоб наконец, повернувшись,
увидеть ослиные уши.

Те, не от мира созревшие,
дороги тем, что без трещины,
что знают о нас нечто,
что уже разошлось по мелочи.

Жизнь в коконе неизвестности
за естественной оградой местности
очень полезна для роста —
там безопасно и просто.

Чтоб человеком вырасти,
остаться сухим в сырости,
надо сперва потеряться —
в мыслях или пространстве.

Пусть раздвинет пузырь фантазии
серую пустоту безобразия —
в нём, наливаясь чудесным покоем,
растёт непобедимый воин.

Победа над пейзажем

Стало душно — ступай на Машук, чай возьми с чабрецом,
примерь корону Бештау, спускайся назад королём:
жизнь в низине ввиду высоты, торчащей алмазным резцом,
со спиной, прикрытой самим Творцом,
всё равно совершает полёт.

Пейзаж убывающих городов в свою запирает тишь.
Даже здесь, наверху, можно корчиться от духоты,
ведь неважно, какого размера контейнер, в котором сидишь.
Только сколько путей — в музыку, речь и сигналы с крыш —
видеть целое этой простой красоты!

Я, Господи, чувствую, как Ты борешься за меня.
Сколько раз искушающий случай, перед которым я пас,
Твой план на меня извращал среди бела дня,
но на последней двери перед адом Ты лично замки менял —
Ты уже меня, Господи, спас.

Ну, куда полетим с Машука? — Обрато в газетный киоск,
где деревья обставшие что-то листают, шурша, —
что-то про лондонский олимпийский кросс,
на биотопливо, пишут, снова растущий спрос, —
и свободно парит душа.

Фуга сквозь снег

Между распухших от снега машин,
по размягчённому оттиску шин,
обуви женщин, детей и мужчин,
всё наделяя значеньем причин,
разворачивается клубок —
не поспеет за ним ходок.

*Кем бы ни брошен,
человек, в прошлом
оставляя один конец пут,
отправляет другой в путь.*

Через присутственные места,
через овраги, равнины, леса,
по черновой белизне листа,
набело бы наверстать,
напетлять, проводя судьбу
по прямому пути «бу-бу-бу».

*Отдавая себя, особа
знать не знает, на что способна —
дотянуться способна куда, —
вот и метит она — вдаль.*

Там и зимою сады в цвету,
вкус поцелуя вишнёвый во рту,
даже когда и не помнишь ту,
с кем себя забывал в бреду.

Все всё вспомнят — лишь дотянись,
заплети всё в одну жизнь.

*Человек что находит — вяжет.
Далеко ль заведёт — неважно,
нить, пускай только вся, вся
из-рас-хо-ду-ет-ся*

на сочетание снега с лицом,
кожи с песцом, имени со
смыслом, рождающим колесо,
чтобы и дальше катилось всё.

Бечева не затем, чтоб вернуть, —
чтобы было куда держать путь.

*Кем бы ни брошен,
человек, в прошлом
закрепляет себя, но нет,
не вернёт к началу конец.*

Стансы

Опытные пальцы ветра
лепят лицо из мяса
бесформенного человека,
вышедшего прогуляться.

Солнце прижигает хаос,
его масса не терпит лета
и верещит, хватаясь
за неожиданный смысл скелета.

Путь выдаёт ему форму,
форму взамен усилия,
усилия идти в гору,
к людям, живым и красивым.

Ненасытные пальцы ветра
продолжают своё дело,
даже вылепив человека,
даже выразив душу телом.

Тяжесть сжигает руки
изысканного музыканта,
волны стирают в рухлядь
то, что высечено ими из камня.

К людям — побитым, щербатым,
опустошённым, бескровным,
еле влачась накатом
с горы, счастливым, спокойным.

Чёрный ящик

Кожаные руки с венами на коленях.
Стопы медью попирают советские гобелены.
Туловище придавлено воздушным столбом.
Ночь. В телевизоре происходит футбол.

В замершей комнате брошены голень, бицепс.
Некто весь уже спит, но чему-то внутри не спится.
Красные люди гонят зелёных людей.
Жизнь не была такой долгой, как день.

Внутри затвердевшего тела мотается плёнка.
Лица и сцены встреч, рождение ребёнка.
Тишину нарушает явственный плач.
Он уже знает, кто выиграл этот матч.

Только сеть постоянно что-то приносит из бездны.

.....
.....
.....

На борту бегущего человека работает чёрный ящик.
Он будет прочитан, лишь если сорвёт башню.
А ещё разрастается сна в ленте памяти кадр.
Но некому различать, да и не различить никак.

8–9 ноября 2013

Богатырские сны

1. Сон

Мама метёт дворы.
Папа вчера ушёл.
Звонко гудят комары.
В общем-то, всё хорошо.
Можно смотреть в окно,
сосчитав свои корабли
с косточку домино.
Странно, что все ушли.
Пальцем сейчас шевельну —
двинется стрелка часов,
но — на секунду одну,
и снова полуденный сон.
Странно, что мне тридцать лет,
что моя жизнь — ходок,
сам же я — вовсе нет.
Передо мною цветок
на обоях — и из него
даже могу извлечь
всё, осознав чего
в землю не стыдно лечь.
Явлена в нём красота
яблони во дворе,
а в плодоносных цветах
явлен её творец.
Вижу расчерченный сад —
труд на обоях и пот
того, кто цветок написал,
его школу, характер и пол.

Из всего, на что падает глаз,
мир можно весь достать.
Нам он расскажет про нас.
Я не вижу, зачем вставать.

2. Страх

Тишины нескончаемой звон.
Замерли корабли.
Ждут приказа стрелять в батон.
Страшно, что все ушли.
Мама. Что будет с ней?
Что дальше будет со мной?
Я думал, когда лежал снег,
мы жизнью живём одной.
Но наступил уже май.
В чаще запел соловей.
Мне стало страшно, мам.
Я услышал слова зверей.
Слышу пронзительный свист.
Страшные звуки в наш век
стал издавать человек,
видом — экономист.
Он не слышит — совсем.
Он имеет права.
По ним нужно всё и всем
тут же ему отдавать.
Из намоленного угла
я толком не видел людей.
Мама меня берегла
и от их вида, и дел.
Слово в лесу не дар,
а инстинктивный жест,

у человека так
дыбом встаёт шерсть...
В каждом голосе след
этой песни без слов.
Неужто сильнее нет?
Кажется, я нездоров.

3. Сила

Не за что мне любить
сильных больших людей:
всех начинают судить,
но встречают сильней.
Жизнь, что могла подхватить
и провести к судьбе,
едва отойдёшь попить,
растаптывается в борьбе.
Что это за борьба?
Слово-то какво!
Может, это и есть судьба?
Стоит она того?
Это же просто кость.
Грызутся вокруг псы.
Можно выпустить злость,
вырвать свои власы.
На смертный решаясь грех,
можно и кость отбить.
Не говоря обо всех,
сам же не будешь сыт.
Не за что мне любить
страстных и злых людей.
Они голодны от обид
на то, что не всех сильней.

Сила должна быть другой.
Если же нет, она —
пусть я буду изгой —
мне не нужна.
Сила — какая она?
Что она может? Как?
Молчалива, проста, сложна?
На конце языка? В руках?..

4. Боги

Боги хранят наш кров.
Велес пасёт коров.
Если продуло бок —
тут побывал Стрибог.
Держит в порядке избу
Мокошь, прядя судьбу
из сора, что разбросал,
за собой следить перестав.
Хочешь собрать грибов —
Даждьбогу яви любовь:
капище оботри,
новых даров навари —
дождик должен полить,
завтра будешь солить.
Хлопотен был наш мир,
зато — безобиден и мил.
Но от могучих варяг,
нам подаривших царя,
сюда перебрался Перун —
идол, живущий в бору.
Что ему был наш кров?
Он покусился на кровь.

Молнией угрожал.
Ему никого не жаль.
Он требовал не тельцов —
выбирал из детей и отцов.
И банды его жрецов
заглядывали в лицо
и спрашивали: «Ну и чем
докажешь, моржовый член,
что следующий — не ты?
Не понимают кенты».

5. Гибель

Мы просидели ночь.
Я слушал их, глядя в стол.
Им было нужно помочь.
Надежды в них было столь
мало и так мой приём —
просто открытая дверь —
был оценён мужичьём
после всех, кто отверг,
что во мне застучало: всё,
я пропустил тут всё —
облупившийся небосвод
на разграбленье в лесок
шайкою удальцов
и при участии отцов
был при случае унесён —
вот и всё, небеса, вот и всё.
Игрушечный этот мирок
не смог ничего предложить
будущему — дав урок
ставящим на грабежи.

Не мог ничего создать
в нас, чтобы мы были твердь,
и в неполные наши года
мир обречён умереть.
Вообще это чудо, что
бурная смена вождей
не занесла к нам ещё
сразу на третий день
ни окруженья рубак,
ни свободных стрелков, —
не представляю, как
иначе я стал бы таков.

6. Исихия

Нет ничего своего.
Что ни зажми в кулак,
ловкой наживкой врагов
окажется знак.
Развороченное гнездо
в хрупких сухих ветвях.
Закавычен и сдох
даже надежды червяк.
Только попробуй сжать —
рассыпаются в персть
все лезвия, кроме ножа,
несущего только смерть.
Мама вокруг не глядит.
Тарелки помоев, протрёт.
Вновь приготовит еды.
Рано уснёт.
Нужно убрать за собой.
Пластмассовые корабли,

дождавшись команды «Огонь!»,
сходят с лица земли.
Что ж, душа, замолкай.
Дай поживём-помолчим.
Чужие слова с языка
снимем, сожжём в печи.
Плоть прекращает ток.
Слух различает свет.
Глаз видит лес между строк.
Дух берёт след.
Дует на уголёк
новых времён полста
лет, окормляясь у ног
Бога-отца.

7. Слово

Я из такой глубины,
где не слышится гул войны.
Но, услышав его, не
забыть уже о войне.
В чаще орёт соловей.
Воля гуляет пир.
Свист разрывает людей.
И зачищает мир.
Безъязыкая жуть
кочевого нутра.
Победители — ржут.
Нет ни зла, ни добра.
Слово уже горит.
Ум — как порох сухой.
Пусть оно говорит.
Просто дай ему ход.

Слово, что Божий дух,
рыщет, где хочет, — то
в чаще растёт, как дуб,
то залетает в дом.
Дом его — человек.
Если в порядке дом,
его наполняется мех
новым густым вином.
Весь оголтелый разбой —
лишь соловьиный свист.
В слове любовь и боль.
Свист — это белый лист.
Каждое слово — ступень.
Время — тугой мешок.
Надо над ним покорпеть.
Время моё пришло.

2006–2014

Грех пустоты

А земля-то — гола.
И ты ей за это должен.
А ты уже слаб.
Ты — заложник.

Порядок велит сесть,
затем переставить ноги,
не выпускает из мест,
где всего и всегда много.

Но мест тех всего три,
три основных маршрута,
а ты — ты живёшь внутри,
потому что снаружи — трудно.

А пустота — зовёт.
Её грех — не замолен.
И на тебе он — вот.
Жизнью своей доволеном.

А там без тебя — никак,
там что ни возьми — не готово.
И нигде не впитают так
твоё стёртое до дыр слово.

Порядок ты сам ваял,
разметил места, фигуры,
но он — виновато мал,
и ты делаешь ход в натуру.

Восхищение

Всё там ушло за шапку сухарей,
точнее — совсем ни за что.
Был ветхим завет во дворе
задолго до всяких школ.

Иллюзий заразен душок —
и штраф за любую велик.
Я в люди зашёл — и ушёл —
закончил тем самым конфликт.

И не моих дело рук
одинокчество — времена,
разлагаясь, как труп,
в четырёх запирали стенах.

Реторты наполнив и выдвинув телескоп,
заложив лабиринты книг,
я пытался выдавить из висков
предполагаемых «их» —

это такое множественное число,
которого б стоило ждать —
к которому не запахло
было бы принадлежать.

Я переболел почти всем,
ставя опыты на себе, —
месяцами живал как кисель,
временами от злобы сипел.

И на что бы я ни глядел —
не просто, а жадно, в упор, —
я на несколько дней, недель
терял веру, язык и пол.

И опыт получен — готов
облечь свои мысли в доклад.
Теперь я обязан сказать о том,
что один человек — слаб,

что он редко бывает собой,
что ни от чего не привит,
что бросает смертельный бой
организму открытки вид.

Когда варишь на кухне суп
и в каждую сторону по пятьсот
лет, километров — и не спасут,
а если спасут, то не всё, —

тогда начинает происходить
развоплощение вещества,
которое не с кем делить.
Гаснут сначала слова,

затем потухают цвета,
вещи и собственно свет,
но — проступает звезда,
ничего без которой нет:

восхищенье чужими людьми —
спотыкающимися при ходьбе,
прекрасными, обречёнными,
отлитыми в их судьбе.

Онтологический пёсий вой,
авангардный униженный рык
больше, кажется, ничего
не могло перекрыть.

Идущим после меня пускай
откроется восхищенье — его
сила вырастила из куска
всего человека — почти всего.

А шаг — к живым людям — сейчас
нужно ждать уже от детей —
я упустил свой шанс:
вымахался в темноте.

Ум во аде

Я вошёл к нему в номер вечером накануне —
дверь была приоткрыта: повёл себя бесцеремонно, что там.
Но с нашим родом занятий элементарные правила коммуны
забываются как предрассудки, вызывающие зевоту.

Я толкнул дверь от нечего делать, томясь передышкой,
думая: может быть, нам что-нибудь замутишь пока что?
Из глубины своего бизнес-люкса навстречу он мне не вышел,
и я в глубину протопал, шумно его окликаю и кашляю.

Голый по пояс мальчик в углу смотрел в одну точку.
Он оглянулся на шум, как будто продолжил копаться.
Он что-то шептал про себя и пластмассовым молоточком
быстро охаживал кончики своих пальцев.

Он как будто был сильно испуган и даже помешан —
он будто бы видел лицо ужасающей твари,
сердце второе билось в фаланги случайным предметом,
пока я наконец-то не понял, что передо мной мой товарищ.

О, мой товарищ! Я б не боялся спуститься с тобою
в самую преисподнюю, чтоб навести там порядок;
ты сказал бы, глядя на демонов: «Э, да тут много работы», —
с дрожью в коленях мы тоже усмехнулись бы рядом.

О, сколько я думал: откуда ты взялся такой, без страха!
Рассматривал версию, что ты полный бездушный ублюдок,
который, конечно же, должен когда-нибудь так обосраться,
что, возможно, погибнут люди.

Олимпийская жертва

Вечная мышь через десять лет ада
идёт под прожектор затянутой в лайкру.
Она отправляется в космос, как лайка,
корябать на льду внеземную руладу.
Жгучая, будто рана, помада
укажет нам место, где ставить лайки.

Мать — рядовая работница ЖЭКа.
Счастьем блестит ритуальная жертва
во имя великих способностей человека,
гармонии, мира, стремления к свету.
Пока до неё не добрался прожектор,
тиком заходится веко.

Но человечьего в ней теперь мало.
Любимой пластинкой играет тело.
Затёрто до дыр поначалу в подвалах,
после оно в спортзалах потело.
Теперь вокруг город, который сделан
затем, чтоб она тут предстала.

Знаешь ли ты, какой сейчас век?
Кто сейчас царь? Как название страны?
Чем отличаются Новый и Ветхий Завет?
Слышал ли ты, что все люди равны?
Будет алтарь золотым, ты наверх
взойдёшь, чтоб ответы забыли и мы.

Мыши, гляди, превращаются в олимпийцев.
Это они; мы ведь знаем их лица
по мрамору древних оригиналов.

Когда мы копали моря и каналы,
торсы без головы ли, руки, причиндалов
ставили на высоты, гробницы, границы.

Её в четверном почти что не видно тулупе.
Она борется только с бегущим, как белка,
сердцем внутри совершенной поделки,
закалённой сначала в халупе,
потом в олимпийском огне салюта.
Так высоко не летает нога человека.

В радиусе нескольких километров
в воздухе зависает восторг и дружба.
Договоримся на время оружием
считать заработанные отметки.
Вихревращений её окружность
распространяется медиаветром.

Может быть, мир и не требует жертв,
но никому не бывает так рад,
как добровольцам сошествия в ад,
преображённым в огне рубежей.
Выгребешь,мышь, мы подгоним трап
и до облака, выше — подкинем уже.

7–9 февраля 2014

Тачка

Игорю Шайтанову

Глянь из глубинки, буколика, взором весёлым на нас.
В омуте чистом твоём, где берёт ещё пеленгас,
нетерпеливые, не умея дожидаться зеркальной глади,
мы перестали себя различать и сверяться с пастушьим ладом.
Только широких крон кто из нас не искал по жаре?
Терпкого стебля травы не жевал, не срывал сельдерей,
от незнакомых быков не отбивался оглоблей?..
В общем, не я тебя — ты меня выследила, эклога.

— Кажется, слепни притихли, Виталий, а писк комаров
неразличим, если слышно, как масло скворчит на солнце.
А ведь полдень ещё далеко. От жары приоткрытый рот
дух утробы разносит, покуда язык усохся.
Гамом заботливой жизни наполнен в июле луг,
но цепенеет истомно на пике неожиданного созреванья.
Всяк человек, будто мельница, движется мыслями рук —
нынче ж затянута лопасти хмелем, мелиссой, лавандой.
Лето в зените свалилось с накатанной велосипедной тропы
и потеряло сознание под будылками чертополоха.
В потном, обмякшем теле одно лишь дыханье сипит.
Жизнь — как горячий компот, от которого плохо.

— Да уж, Валерий, в такой-то духовке пристало морить врагов.
Впрочем, жара и мороз — чем ещё защищаться природе
от обрусевших агрессоров, напилевших с неё рогов?
Зной помрачает лишь нас, рукотворных и балованных героев.
Он обнажает всю глупость кричать «принеси» и «налей».
Но посмотри, как по ослепшему дополу денному посёлку
в сопровождении душных, как веник, растрёпанных тополей
тачку пустую толкает старик, объезжая щербины, осколки

крупного щебня, разбросанного у площадки, где строили дом,
но не сегодня — сегодня всё брошено: недовыгнанные откосы...
Дед наше время везёт и гремит им на целый район.
Только доедет старик — и мгновенно наступит осень.

Кромешники

У калик суконный был вид —
они шли по роскошным землям
и сохли, как будто
не имели, чем уловить
ни прелести незабудок,
ни зелени лета спасенья.

Они озирались вокруг,
заранее ненавидели всё, что
могло им попасться,
считая, что мир — это труп,
разрубленный на кусочки, —
и нечего в нём копать.

И только в их головах
бил источник видений
о царствии Света,
сокрытом в словах,
и царствии Тени,
выраженном в предметах.

Они порывали со всем;
их глаза, насмотревшись
на нравы кощеев,
не видели больше совсем;
и забитые щели
делали мрак кромешным.

А их встречал человек
почти бессловесный;
его абсолют
было солнце поверх
растущего теста,
яблоко, свежее блюдо.

А из окон на них лился свет.
Хозяин — бесплотный, бессильный,
как будто снится.
И, неторопливо присев,
переглянувшись, они его попросили
принести им напиток.

Перевернутый Киев

Во граде во Киеве семь лысых гор.
На каждой из них — то дворец, то собор.
Но знамя колышется лишь на одной.
Сегодня — на этой, завтра — на той.
Трясётся Крещатик от топота ног.
Вещает с майдана языческий бог.
Сегодня — гуляния, завтра — мятеж.
В вечерних газетах одни да и те ж.
А в архитектуре запахло Москвой.
Горилка культуру ведёт за собой.
Дивчина судьбину несёт в подоле,
пока над землёй, под землёй, на земле
с гулом торгуют заморским шитьём —
в новую жизнь полагается в нём.
В пустую Софию глядит человек,
а та вспоминает двенадцатый век.
Во граде буянит свобода иметь,
а всем несвободным — мука и смерть.

Во граде во Киеве по-над Днепром
уходят миряне в земное нутро —
там жарко от жара земного ядра,
там притолока от дыханья сыра,
там свечка горит, чтобы видеть, куда
держать направленье слепого труда, —
и говна забот, и раны грехов,
сюда принесённые с самых верхов,
молитвою, прикосновеньем к мощам
до жизни конца предстоит расчищать —
вот всё, что сюда, в пещеры, на дно
с собой унести человеку дано,

чтоб с помощью Бога во мгле рудника,
используя только огонь языка,
однажды коснуться суставов времён;
и Божие Царство во весь окоём
слепой летописец за тонкую нить
достанет из морока — и сохранит.

Всё выше и выше град наверху.
Доход распяляет солнце в паху.
Всё глубже и глубже уходит другой.
До самого Бога копает любовь.
И лишь обыватель, брошенный тут,
глядит, как каштаны весною цветут.
Он думал вчера, будет думать и впредь:
в рай прогрызаться иль в ад улететь.

30–31 июля 2013

Остров Петербург

Утеха барельефа — быть помногогранней,
облапошить варвара, чтоб он о камень
бился оттого, что камень намекнул о драме —
подмигнул и замер, как бы продинамил.

Входя в этот город, веди себя как хозяин:
что нужно — бери, что понравилось — трогай.
Упаси тебя Бог вопрошать у гранита и слушать, раззявив
рот, — не проси, не рассчитывай на подмогу.

Мосты, дороги, статуи и фасады
кончаются у воды, где спешились и обстали, —
и больше никто никогда не покинет Летнего сада.
А ты — из тех, кто забывает сваи.

А ты — из тех, кто в золочёной мариинской ложе
рыдал на первом акте, на втором — кимарил.
А на стоянке остывала твоя лошадь,
от конных статуй отличаясь мало.

Это остров и вокруг пучина, и куда поскачешь?
Культура — остров, и всенепременно — остров.
От человека вовсе тут не надо качеств:
куда халтуре душ равняться с этим Росси?

Пора, проснись, колхозник, вспомни Пенелопу.
Назавтра ждёт гостиница с окном на буйный Терек.
И будет речь в кафе захлёбываться от галопа.
И пара мыслей всё же покорит тот берег.

Последний аргумент

«Мы поймём потом.
Да, мы поймём потом.
Пока же нам жаль,
нам — очень жаль».
Что же — спасибо на том,
мы побудем пока скотом,
потерпим пожар;
и запомним пожар.

Этому надо долго учить,
иных и нельзя научить —
вдруг разучиться читать,
иногда разучаться читать
жизнь — а она не молчит,
она прямо сейчас кричит —
её надо спасать, спасать,
её надо спасать.

Им известна возможность спастись —
отправиться в кинотеатр,
где выдавший виды артист
вносит уверенность в кадр.

А мы, мы останемся здесь,
мы всегда остаёмся здесь;
какой предъявить документ? —
проще, надёжнее смерть
в доказательство, что мы есть,
когда нас уже нет.

май 2014

Равновеликий миру Иван

В маленьком городе очень маленький человек.
Вокруг большая история и большая культура.
Он медленно роет свой персональный колодец вверх,
а лопата выбрасывает то «зелёные» технологии, то Катулла.

За пунктик о мире сгорели великие мастера.
Бессмертными оказались люди, попадавшие мячом в ворота.
Следующему поколению, видимо, предстоит протирать
штаны, штурмуя нюансы употребления укропа.

И лишь в незначительной стороне по имени глухомань,
разбросавшейся во всех направлениях за МКАДом,
живёт равновеликий всему современному миру Иван,
но в мире некуда пока пристроить кадра.

Мысль экономов давно подсчитала количество душ,
помещающихся на квадратном гектаре культурной застройки,
и если что доверять индивидууму, то уж
не более проэкспертированного пятачка у дороги.

Мир перестал отражаться в капле. Посредством умов
тело его рассекаемо на мириады фрагментов.
Некоторые из них выращивают с использованием ГМО.
Особенно культивируют экскременты.

А если кому-либо вдруг перепала кость,
согласно всем правилам предполагается радость —
как умолчанье о том, что уходит в компост
и что этот уход ничем не оправдан.

Ведь внешний и внутренний организм человека так задуманы, чтоб перерабатывать разнообразье, — это такой современный рабочий верстак, но нет в нём самом ни молекулы праздной.

Что ходить далеко — вот хотя бы Иван.
Он работяга, отец, хулиган и учёный.
Спросишь его: «А сумеешь ли душу доверить словам?» —
а он усмехается и отвечает: «А чё нам?..»

Этого рода людей иногда порождает век,
допустивший, чтоб всё потеряло цену.
Культурка мелка, как посуда, зато — большой человек.
Но долго ль тебе, Иван, оставаться целым?

Капли крови на снегу

Так за три дня отбелена
земля колючим снегом,
так выпрямлена, смягчена
и лишена углов,
что и за тени человек,
блуждающий за хлебом,
по сути, принимает свет —
везде белым-бело.

И видит на снегу герой
три алых капли крови
и разноцветное перо —
кипел тут птичий бой.
На свете больше ничего
о том, что пели брови,
о страшных шрамах от врагов,
о верности святой.

Его страна зовёт стрелять,
начальники — работать,
любви и хлеба просит мать
его родных детей,
но в капли он вперил свой взор,
он думает до пота,
каким быть должен их узор,
чтоб не пугать людей.

Он всей душою был сейчас
среди тех, кто достучаться
к нему не мог, кто стал кричать,
молить, грозить, вязать,

но только наблюдать могли,
как страх сменялся счастьем
и как в беспмятстве текли
улыбка и слеза.

Стороны страха

К стенке в кроватке уткнуться от лая
псов, разыгравшихся прямо за шторой,
хохота в трубке, когда поднимаешь,
от копошащихся в мебели воров.

— Даже не бросила взгляда — а сразу жевать.
Страшная, ищет по осени трёх поросят,
а поросяток колотит от страха вставать,
и когда подбирается, бедные, голоса:

— *Жизнь, уходи, пощади, не кусай!...*

Хрупкие ветви уже напружинили почки.
Мается, зрея в клокочущем взгляде,
тщетный порыв умыкнуть в уголочек
мимо идущую фифу в бордовой помаде.

— Встречно глядишь, и дрожит твой небесный зрачок.
Ищешь во мне боязливо, и я начинаю искать.
Милая, я и есть этот серый волчок,
что за бочок — и во тьму, под кровать:

— *Жизнь, уходи, пока, детка, жива!..*

Джаз на улице

I

Реальность — только крупными мазками.
Человек спиной вверх и внутрь носками
в тёмном купе, как в бреду, —
а вот я уже иду
в галстук по перрону, и пахнет сеном.
Таксист в ночи лупит тройную цену.
На последней миле уже не уместен торг.
Войти осталось, уснуть в пальто.

II

На скорости человек не разменивается на детали.
Он более равен себе в присутствии дали.
Но когда рано утром будильник звонит,
он встаёт и стоит, стоит...
Пятнадцать, шестнадцать минут в одной стойке.
Кто я? Зачем я? А времени сколько?
Электричка не будет ждать.
Бежать — ещё сумерки, пусто — бежать...

III

Чем быстрее, тем внутренне ближе строки,
буднично сообщающие о катастрофе
и количестве жертв, чей косяк —
только в их скоростях, —

ежедневная жертва за право
одним взглядом сгребать дубравы,
одним вздохом — случайный быт:
вот мальчишка плюёт на карбид.

IV

Мысль, оборвавшаяся в Ростове,
обстоятельствам подчиняясь, пребудет в простое
и тронется снова в одном из кафе Москвы,
среагировав на запах внутри головы.
Сгущать своё время можно почти до предела.
В чашку кофе возможно вместить неделю,
а неделя — маленькая жизнь.
Поздравляю. Что дальше? Что скажешь, Джим?

V

Если сами как будто под горку несутся сани,
привыкай к диалогам с деревьями или псами.
Кроме тех, кем прихвачен за ют,
люди всегда отстают.
Но на скорости мир становится обитаем.
Утром ты видишь, как солнце идёт из Китая,
пока ты летишь над периною облаков,
где родины твоей альков.

VI

Что дальше? Дальше давай по порядку.
Сначала по плану на зама рявкну.
Затем два часа будет жёсткий торг.
Потом именинник внесёт в офис торт.

В веренице летучек, звонков и писем
я буду искать полчаса ради пары мыслей
и вдруг услышу на улице джаз.
Всему надо дать шанс.

VII

Этому воздуху поздней осени, напирющему из парка.
Этим словам, привязчивым, как собака.
Боли, задвинутой на задворки лишь оттого,
что субъектов у ней более одного.
А ещё порой видится почерк Бога.
На скорости видно, как много
перспектив для движений души,
чтоб она разрасталась вширь.

VIII

Гастроли с машинопотоком, темп и труба искрится.
Импровизация — перекрученных умов царица.
Две минуты среди зевак —
лучшее доказательство, что всё идёт так,
как надо, — элегия обернулась одой
гармонии, которую слышит толпа народа,
и у каждого откликаются потроха,
и не обязательно ей стихать.

IX

Любая деталь распростёртой картины
способна забрать молодого детину,
потому — ничего почти не объять,
не попробовать ни на пядь —

можно только представить,
какой станет душа, летая,
наполняя собой до краёв
представшего мира проём.

Х

Превышение скорости — это не двести по трассе,
а взгляд человека, сидящего на террасе,
одновременной отзывчивости сеанс,
впитанный города конкорданс,
разрывающий в персть любого,
кто словарное не оседлает слово,
выяснив, слагая гимн,
как связано одно с другим.

Волшебный клубок

...Безумный, пористый мир —
как сыр, состоящий из дыр;

созревающий гроздьями нор
и квартир лабиринт, затор.

Снаружи покуда мор,
друг друга не видно в упор,

внутри же — чадят в потолок
страх или страсть, голод и долг,

бельма растут и морщинится лоб,
пляшет огонь, как языческий бог.

Можно уйти, но за дверью любой —
такой же слепящий, но только чужой.

Жизнь — под земною надёжной корой,
люди — почти перегной.

И на той глубине распухает язык:
проще, чем разъяснить азы,

сразу лицом повозить,
заорать, закопаться, грозить...

Из пещерных никто не проник
до заветной другой стороны,

где язык открывается в мир
и тот — становится смирен;

и тогда — далеко видит взор,
предметы за место кончают спор,

и ради тебя мир готов на всё,
и ростки выпускает сор...

Эти места отправляют во тьму,
по подъездам гудит невнятное «му»,

но в глубину, высоту, ширину
я копаю? — и сам не пойму.

Пока вдруг не вспыхивает клубок
и каждый его виток

показывает, как Бог
видит сплетенье дорог.

А ты видишь дали — и от одних
надо бежать, чтоб остаться в живых,

а у других, где скамья и родник,
милая рядом да стопка книг

или земной настоящий успех, —
кончить бы дни берегах на тех,

слышать один лишь девичий смех,
клубок отпустить, окончить пробег...

И вот его нет — и месяц, и год,
и ты всё тревожнее: ну чего

я делаю здесь — среди готовых слов?
прошлых культурных слоёв?

Опять натоптал в языке человек,
как только движенье отверг.

Снова нужен мне путь наверх.
Волшебный клубок, поверь:

я всё понял — жестокий урок! —
без тебя что пейзаж, что острог,

я готов наговаривать впрок,
я твоих не боюсь дорог.

Базар на улице Станиславского

Пахнет сельдью, ванилью, промасленными гвоздями,
пылью, заветренным мясом, первой клубникой,
солёным арбузом, корейскими соусами, васильком.
Над ростовским базаром воздух стоит слоями,
а высоко надо всем тягаются нимбом
сияющий купол и солнца ком.

Пахнет разлитым квасом, грецким орехом,
резиновыми сапогами, хреном и шпиком,
пóтом, стиральными порошками, кошачьим дерьмом.
В мире, ушедшем вперёд, осталась прореха —
тут меняются ценники на напитках,
но ничего не меняется в основном.

Вдоль улицы Станиславского вечное верю не верю;
меру обмана и цены на тленные блага
прямо сейчас вырабатывают языки.
Этот мир совершенно не виден сверху.
Нужно в базар, как с причала во влагу
в полдень, сигать с головой, чтобы шли пузырьки.

Тут всё на месте, ждали тебя с укоризной.
Даже с заплатой и парой червонцев ты пригодишься —
много сложней оприходовать миллион.
Руки старого мясника Авраама по локоть в жизни.
Он нарубил сегодня уже на четыре тыщи.
Каждый кусок помнит воочию он.

Пара червонцев — это билет на галёрку:
можешь сегодня и не продвинуться дальше фруктов.
А какие актёры матёрые в рыбном ряду!
Они со своим «кушать подано» выют из тебя верёвки,
ты забываешь слова, покупаешь какие-то крупы.
Будет реванш, но в отделе «Овощи для рагу».

Скорость твоя пусть приближается к скорости света.
Состояние уже позволяет не думать о пище.
Мысли давненько живут высоко.
Многообразие мира дешёво, точны его ответы,
пахнет здорово — и ничего нет выше,
только сияющий купол и солнца ком.

Эффект объятий

Маленькая женщина
положила пределы,
и в них накопился я,
почувствовал своё тело.

Маленькая женщина
охраняет мои границы,
чтобы они не выпустили воздух,
чтобы их не проклевали птицы.

Нечто из ничего бывает
только внутри объятий.
Снаружи летают обломки
империй и демократий.

И всё же там можно было б
жить, вертоград раскинув, —
кому-то ж бывает стыдно
за дали, забитые тиной.

Каждый мой шаг за предел
пониманья, квартиры, мира
вынуждает объятия твои
становиться всё шире.

Масляное пятно,
растекающееся по луже,
обязательно вознамерится
захватить и сушу.

Что ты выпустишь, то исчезнет,
а не выпустишь, так родится —
муж, становящийся в муках,
мир — в его новых границах.

Лишь в глубине твоих глаз
я вижу свой грех первородный,
грех заболоченной дали,
брошенных огородов.

Держи меня, грешного, крепче,
люби моё слабое дело —
надежда на наше прощенье
в стремлении за пределы.

Мирный атом

Наши ковбои пошли от учительниц и проституток.
Их наделяла властью сладкая сила.
Они наслаждались правом входить без стука
и с безоружными вести себя некрасиво.

Под покрывалом, скрытое от света не совсем,
продолжает светиться её лицо.
Припухшие приоткрытые губы и есть его цель.
Но это секрет — жизнь должна быть заподлицо.

Ковбои вылезли враз, когда люди не вышли в поле.
Когда сняли охрану вокруг комбинатов.
Из хороших семей, но с аргументами кольев.
Мы теряли надежду на мирный атом.

Под покрывалом только кожа не даёт совпасть.
Нагота под углом приближает к лицу лицо.
Никто никому не признавался, что пас.
Но само существование — заподлицо.

Мы внимательно слушали, если ковбои смеялись.
Постепенно они бывали друг другом биты.
Кто-то из них без ноги, например, отползал под ясень.
Иногда — доживал среди нас забытым.

Из-под покрывала — весёлая взъерошенная голова.
Взглянуть на часы, но девчонку — не выпускать никогда.
Атом уже воссоздан — можно уже и вставать.
Но полежи ещё, не торопись, Адам.

Содержание

Паводок	5
Несвоевременные люди	6
Свет войны	8
Идиллия для героя	10
Победа над пейзажем	13
Фуга сквозь снег	14
Стансы	16
Чёрный ящик	17
Богатырские сны	
1. Сон	18
2. Страх	19
3. Сила	20
4. Боги	21
5. Гибель	22
6. Исихия	23
7. Слово	24
Грех пустоты	26
Восхищение	27
Ум во аде	30
Олимпийская жертва	32
Тачка	34
Кромешники	36
Перевернутый Киев	38
Остров Петербург	40
Последний аргумент	41
Равновеликий миру Иван	42
Капли крови на снегу	44
Стороны страха	46
Джаз на улице	47
Волшебный клубок	51
Базар на улице Станиславского	54
Эффект объятий	56
Мирный атом	58

Владимир Козлов. Опыты на себе

редактор:
А. Переверзин

художник:
С. Труханов

корректор, технический редактор:
О. Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 15.06.2015
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 3,75
Тираж 500 экз.

Владимир Козлов родился в 1980 году в городе Дятьково Брянской области. Автор книг стихотворений «Городу и лесу» (2005) и «Самостояние» (2012). Публиковался в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Новый мир», «Знамя», «Литературная учёба», «Новая Юность» и других изданиях. Доктор филологических наук, руководитель Центра изучения современной поэзии в Южном федеральном университете, главный редактор литературно-исследовательского журнала о поэзии «Prosodia». Живёт в Ростове-на-Дону.